

Враги пророчили: «Одна иль две
недели —
И вы погибнете». Врагов подвел
расчет!
Их прорицания давно уже истлели,
А дело Ленина живет!



АНТАНТА
СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
НА ДВЕ НЕДЕЛИ!

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛГО
НЕ ПРОДЕРЖАТСЯ!

МЫ ИХ УНИЧТОЖИМ

DRANG NACH OSTEN!

КРОКОДИЛ



1920 год

— Увы, этот кремлевский мечтатель оторвался от земли!..

ПОБЕЖДАЮЩАЯ

Она родилась в незапамятные времена.

Ей было трудно жить. Порою казалось, что она гибнет, истлестанная и вздернутая на дыбу рукой палача.

Но она снова возвращалась — к ужасу близоруких властителей и робкому удивлению слабых духом.

Ее пытали в застенках инквизиции. Ее засекали плетью на галерах. Ее закапывали в землю, замуровывали в стены, бросали в печи. Пепел ее развеивали по ветру. Но она, словно легендарная птица Феникс, возрождалась снова. И снова вставала в ряды сражающихся — чартистов и санюлотов, карбонариев и декабристов. Неистребимая.

Она не могла быть убита. Потому что она была Мечтой — мечтой о свободном и справедливом человеческом обществе.

Словари утверждают, что мечта есть «нечто, созданное воображением, нечто, мысленно представляемое».

Но для тех, кто шел на баррикады, этого «нечто» было недостаточно. Им нужна была стратегия и тактика классовых битв. Им нужен был план победы.

Отвлеченная мечта должна была превратиться в научную теорию.

Такой теорией стал марксизм.

* * *

Но теорию надо было привести в действие. Девяносто лет тому назад в глухом далеком Симбирске родился Владимир Ульянов, имя которого дорого всему прогрессивному человечеству. Символом избавления от гнета, символом мира, свободы и счастья стало это имя для людей труда.

Ленин создал и выпестовал могучую партию коммунистов. Партия Ленина взяла на себя историческую ответственность за будущее социализма.

В громадной и нищей стране надо было терпеливо, годами и десятилетиями, воспитывать и готовить к революции сотни, тысячи и, в конечном счете, миллионы бойцов; ежедневно и ежечасно отбивать вылазки и наскоки врагов — открытых и скрытых; растить ряды партии и оберегать их от оппортунистической скверны; надо было делать еще несметное число других дел — и все это под свинцовым взглядом жандарма, под угрозой ссылки или в самой ссылке. Надо было пережить томительные годы эмиграции, часы трудных побед и горьких поражений, все это выстрадать, вынести на своих плечах, чтобы в решающую минуту двинуть силы революции на штурм капиталистических редутов.

И победить.

* * *

А потом, в разрухе, в голоде, на пепле, еще не остывшем после империалистической войны, надо было организовать круговую оборону юной Республики Советов от четырнадцати чужеземных армий. И в это же самое время на развалинах Российской империи начинать строить новую государственность, первую в человеческой истории общественную систему социализма. И не только начинать строить, но и дать ей разбег, вычертить ее путь в будущее — через кооперацию и коллективизацию, через Шатуру и ликбезы, через субботники и комбеды.

С этим предстояло справиться в кратчайшие сроки и в тяжелейших условиях — на сырой осмущке хлеба, в борьбе с саботажниками, с предательскими диверсиями «левых» и «правых».

Но за осмущкой хлеба Ильич видел миллионы пудов искрящейся пшеницы, за пыхтящим «фордзоном» — сотни тысяч могучих отечественных тракторов, за первым субботником — бескрайнюю энергию коммунистического труда.

И поэтому так ясен и бодр был взгляд Ильича и смех его звучал заразительно.

«Он обладал в высшей степени чувством юмора. Во время приема то и дело в его ка-



1960 год

— Ого, эти кремлевские мечтатели оторвались от земли!..

МЕЧТА

бинете слышался смех...— вспоминает секретарь Владимира Ильича Л. Фотиева.— Это был смех человека, обладавшего кипучей энергией и избытком жизненных сил. Этот избыток сил передавался другим, и все около него жили ярко, радостно, празднично».

К сожалению, слово не всемогуще. Любая «превосходная степень» бледнеет и меркнет, когда мы хотим сказать о подвиге, каким была вся жизнь Ильича.

* * *

— Надо мечтать,— говорил Ленин.

И тут же припоминал слова Писарева: «Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти».

Иначе говоря, есть мечта плодотворная, зовущая и ведущая к цели, и есть пустопорожные маниловские мечтания.

Наша сегодняшняя мечта не обряжена в туманные пожелания и зыбкие прогнозы. Она овеществлена в сотнях и тысячах заводов и жилых домов, электростанций и школ, санаториев и театров. Она одухотворена сознательным творчеством всего народа.

Наша мечта становилась явью на первых колхозных пашнях, в первых цехах Магнитки,

на первых километрах Турксиба. Мы с честью защитили ее в схватке с фашистским зверем. Она в мирном атоме и в спутниках, в распаханых целинных землях и в Волжской ГЭС, в антарктических походах и в маленьком советском вымпеле, заброшенном на Луну. Она в великих цифрах семилетки, указанных партией коммунистов. Она в широких шагах социалистических стран.

Мечта о свободном и справедливом обществе вынашивалась веками. Сегодня мы уже видим очертания самого свободного и самого справедливого общества. И мечта о коммунизме, помноженная на разум и энергию миллионов, помогает нам быстрее приблизиться к нему. Потому что эта мечта, говоря словами Писарева, неотделима от естественного хода событий.

Хозяева дремучей капиталистической барачки (звучно, но, пожалуй, несколько юмористически именуемой «свободным миром») давно уже потеряли право на мечту. Это понятно: тот же самый естественный ход событий прямо-таки кричит им, что господин Денежный Мешок трещит по всем швам. Правда, они еще могут утешаться мечтаниями маниловского толка:

— А что, мистер Джимс, вдруг да коммунизм того... исчезнет? А?

— И не говорите, мистер Джонс, это было бы восхитительно!

А в ту самую минуту, когда мистеры Джимс и Джонс обмениваются этими очень приятными и вполне тщетными надеждами, американцы и французы бурно приветствуют Председателя Совета Министров СССР, индийцы восхищаются сталью Бхилаи, аргентинцы любуются макетом советского спутника...

Золотой век мистеров Джимсов бесповоротно в прошлом. Золотой век человечества впереди.

Мечта о самом свободном и справедливом обществе долго блуждала по каменистым тропинкам истории. Теперь она на ровной столбовой дороге. И если мистеры Джимсы не станут мешать нормальному движению, а займут свое законное место в кювете, это будет совсем хорошо.

* * *

В книге отзывов Музея В. И. Ленина в Москве есть короткая запись:

«Товарищ Ленин, спасибо тебе за все».

Подпись неразборчива. Эту строчку как бы вывели миллионы рук.

Эти миллионы жестких и теплых рук, а не пухлые пальцы нефтяных царьков и каучуковых принцев лежат сегодня на штурвале истории.

ЛЕНИН ЧИТАЕТ ГАЗЕТУ

Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно.

(Из речи В. И. Ленина 6 марта 1922 г.)

Кремль.

За окном светает.
Башни от снега седы.
Владимир Ильич читает
свежий номер газеты...
Ожив под великой рукою,
воспрянув с плеча до плеча,
рванулась она всей душою
и каждой своею строкою
в стремительный взгляд
Ильича.

Дышат заметок полоски
жаром труда и атак.
А вот и стихи.

Маяковский...
«Прозаседавшиися»...
Так...

Вдумчиво,
зорко,
не мельком.

А ну-ка,
в чем мысль!
В чем склад! —
по маяковским ступенькам
движется
ленинский
взгляд...

Гм!.. А ведь это не случай.
Частенько бывает у нас...
Хм!..

И морщинок разлучья
пошли от смеющихся глаз.
Страна-то совсем молодая,
а у них — вороха бумаг!
Заседают, пере-заседают...
Так им, обломовым,
так!

Делиться такими мыслями
печати какой же риск!
И ведь как он их высмеял!
Вдрызг!!
Товарищи, как не поймете,
что это ведь стиль не наш!
Серьезен Ильич.

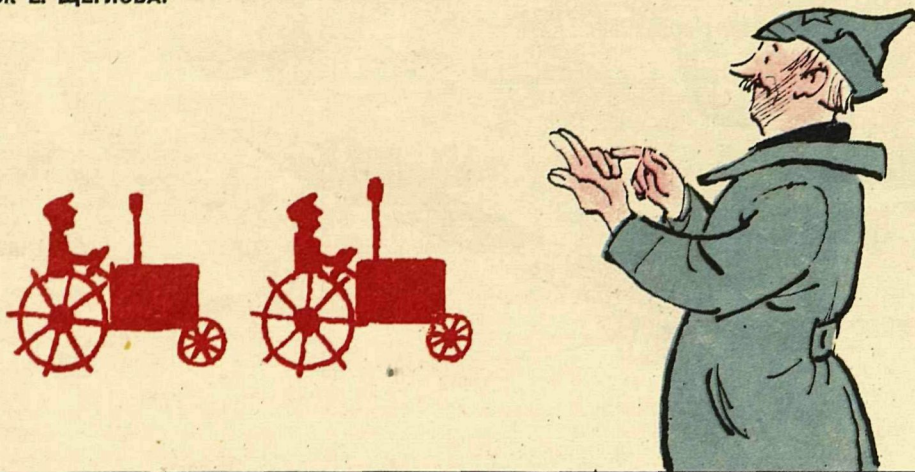
И в блокноте
уже побегал карандаш.
Эти стихи «Известий»,
Да, да, на заметку взять!
И завтра об этом на съезде
о-бя-за-тель-но рассказать!
И сказал.

Было трудное время.
А стране-то всего пять лет.
Понимал он,
что нет наступления,
и движенья
без критики нет.

А раз так,
значит, жить слову хлесткому!
(Критикан, спекулировать брось!)
И сказал наш Ильич Маяковскому,
всей советской сатире —

Добро!
Да, нужны нам задиры,
не нытики,
если где-то порок не изжит.
Нытик

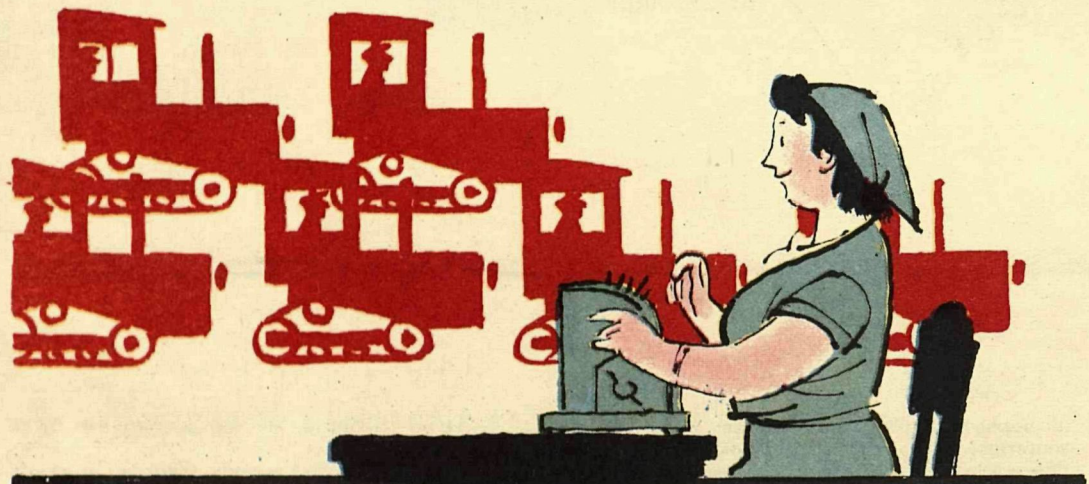
первый
бежит от критики,
хоть под флагом ее и брюзжит!
Нам великое дело доверено,
так смелей за труд
и щедрей,
чтоб жила красота
правды Ленина,
правда наших
шагающих дней!



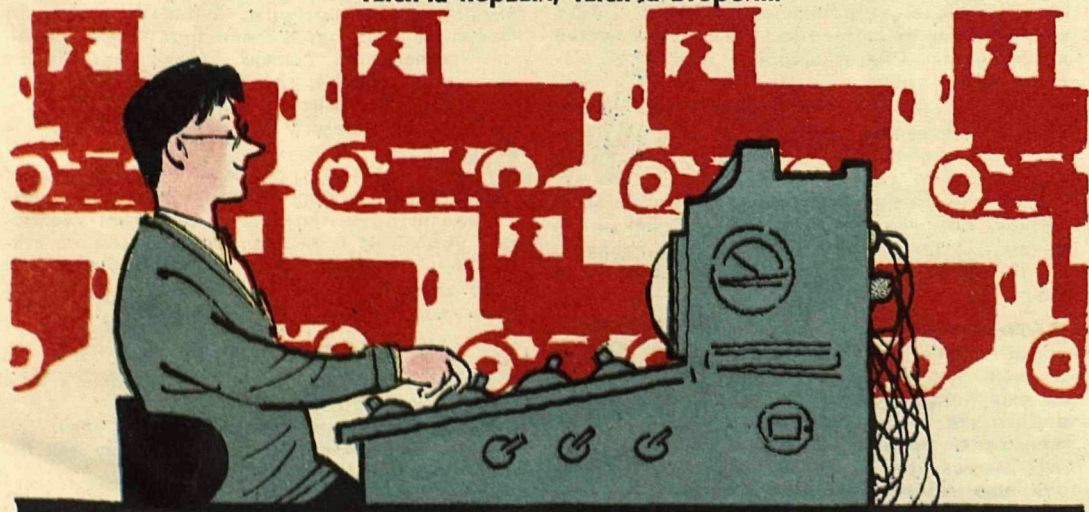
— Первый, второй...



— Сто первый, сто второй...



— Тысяча первый, тысяча второй...



— Миллион первый, миллион второй...

СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ...



А КОПИЛКА в следующем номере будет? — поинтересовался при очередном визите мой почтальон Штемпелюк. — Учтите, Крокодил Крокодилович, я — за! Это ведь, как знаете, ленинский завет: веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно... Разногласий у нас не возникло, и мы принялись за просмотр почты.

Первое вскрытое в тот день письмо принадлежит перу ленинградца В. П. Иванова, по его собственному определению, «пensionера образца 1881 года». Сопоставляя употребляемые в различных сберегательных кассах приходо-расходные ордера с одинаковым текстом, но двух разных форматов он спрашивает:

«Почему бы не ввести во всех сберкассах ордера единого формата — того, что ровно вдвое меньше? Сколько бы это бумаги и денег сэкономило!»

Дотошный Штемпелюк, конечно, заинтересовался: сколько именно? Точно подсчитать нам не удалось, но выяснили: изрядно! Ведь на эти самые ордера расходуется ежегодно более 160 тонн бумаги, а тонна стоит без малого две с половиной тысячи рублей.

— А нельзя ли, — размышлял Штемпелюк, — сократить и формат многих других бланков, которыми пользуются всякие учреждения? Тут уж дело, пожалуй, не тоннами, а многими эшелонами бумаги пахнет. И многими миллионами рублей. Поставим такой вопрос, Крокодил Крокодилович?

— Уже поставили. Будем теперь ждать откликов от всех заинтересованных лиц и организаций. А что, по-вашему, вон в том пухлом пакете?

Общими усилиями мы извлекли из пухлого пакета большущий многокрасочный плакат, изданный десятитысячным тиражом под

маркой Института санитарного просвещения. На плакате — «вырезка» под струей соли и совет: чтобы мясо не портилось, его, дескать, недурно посолить...

— Кому же эта премудрость неведома! — изумился Штемпелюк. — Кому такой плакат надобен?

Вот об этом самом и спрашивает меня читатель В. М. Хурса из поселка Березна, Черниговской области.

«Поберегли бы, — пишет он, — бумагу, краски, издательские расходы! А они, видать, немалые. Вон ведь сколько людей над этой премудростью колдовали: автор изречения Я. Г. Полячек, художник С. А. Власов, редактор В. С. Ершов да еще художественный редактор А. В. Вартанян. Сообща, видать, решали, как соль изобразить...»

В следующем письме предлагалась хозяйственникам несложная задачка. Руководительница планового отдела Гжатской швейной фабрики тов. Л. Минаева спрашивает:

«Что проще и экономнее — доставлять одежду с нашей фабрики (разумеется, по нарядам) прямо в магазин на той же улице или везти сперва за 250 километров в Смоленск, а оттуда на грузовом такси обратно в Гжатск? Руководители Смоленской базы «Главторгодежды» признают только второй маршрут и никаким увещаниям не поддаются. Вот если бы можно было отнести бессмысленные транспортные расходы на их собственный счет...»

— А отклики на наши прежние выступления поступили?

— Сразу несколько! Вот, например, письмо из Свердловска, с минераловатного завода. Откликаясь на горестное сообщение, что рулоны упаковочной бумаги бесхозяйственно разбираются топором, секретарь партийной организации завода тов. Гордеев признает:

«Верно, было такое дело. Но больше оно не повторится. Впредь будем резать бумагу только на специальном станке».

...Радует мое крокодильское сердце: пополняется моя копилка. С каждым днем получаю я от друзей-читателей все больше предложений и советов: где, как и на чем еще можно сберечь государственную копейку. Ту самую копейку, из которой и рубли и миллионы складываются.

КРОКОДИЛ

Рисунок Бориса ЛЕО.



— Я русский выучил только за то, что им разговаривал Ленин!

ИЛЬИЧ УЛЫБАЕТСЯ

(Из воспоминаний)

М. ГОРЬКИЙ

СИНЬОР ДРИНЬ-ДРИНЬ

НЕ МОГУ представить себе другого человека, который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от соблазна честолюбия и не утратил бы живого интереса к «простым людям».

Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевшие и Шалапина и не мало других крупных русских людей, каким-то чутьем сразу выделили Ленина на особое место. Обаятелен был его смех, — «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью «простых сердец».

Старый рыбак Джиованни Спадаро сказал о нем:

— Так смеяться может только честный человек.

Качаясь в лодке, на голубой и прозрачной, как небо, волне, Ленин учился удить рыбу «с пальца» — лесой без удилица. Рыбаки объясняли ему, что подсекать надо, когда палец почувствует дрожь лесы:

— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Он тотчас подсек рыбу, повел ее и закричал с восторгом ребенка, с азартом охотника:

— Ага! Дринь-дринь!

Рыбаки оглушительно и тоже, как дети, радостно захохотали и прозвали рыбака: «Синьор Дринь-дринь».

Он уехал, а они все спрашивали:

— Как живет синьор Дринь-дринь? Царь не схватит его, нет?

ЮМОР — ПРЕКРАСНОЕ КАЧЕСТВО

ПРИСЕВ к столу, он (Ленин) вытер вспотевший лоб, хлебнул холодного чая и неожиданно спросил:

— Что это за скандал был у вас в Америке? По газетам я знаю, в чем дело, но — как это вышло?

Я кратко рассказал ему мои приключения.

Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться.

— Ох, да вы — юморист! — говорил он сквозь смех. — Вот не предполагал. Черт знает как смешно...

И, стирая слезы смеха, он уже серьезно, с хорошей, мягкой улыбкой сказал:

— Это — хорошо, что вы можете относиться к неудачам юмористически. Юмор — прекрасное, здоровое качество. Я очень понимаю юмор, но не владею им. А смешного в жизни, пожалуй, не меньше, чем печального, право, не меньше.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

В СОВНАРКОМЕ

РАБОТАЛИ в Совнаркоме споро, работали бодро, работали с шутками.

Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени — над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро, быстро текла река докладов, обмена мнений, решений.

Н. А. МИЛЮТИН

СКУЛЬПТУРА

ОДНАЖДЫ я зашел по какому-то поводу в секретариат Ленина. Вдруг слышим из кабинета громкий, залихватый смех Владимира Ильича. Через минуту оттуда пулей вылетела Наташа Лепешинская, сотрудница секретариата, вся пушковая, чуть не плача. После долгих расспросов она рассказала, что произошло в кабинете.

Скульптор Альтман в то время лепил из глины голову Ленина. С согласия Владимира Ильича скульптор работал в кабинете Ленина, но с условием — не отрывать его от занятий. В перерывах скульптура накрывалась мокрой тряпкой, чтобы глина не сохла.

Уходя, Альтман попросил Владимира Ильича намочить вечером тряпку. Владимир Ильич позвал Наташу и велел принести чайник холодной воды, а сам, сидя за столом, углубился в работу.

Наташа принесла воду. Владимир Ильич, не отрываясь от работы, сказал:

— Вылейте, пожалуйста, на мою голову.

Растерянная, недоумевающая Наташа с чайником в руках боязливо подходит к Владимиру Ильичу сзади и останавливается в нерешительности: лить или не лить?

Владимир Ильич обертывается, с удивлением смотрит на Наташу, а затем принимается хохотать, хватаясь за бока:

— Да не на эту, а вон на ту голову!

Показывает на скульптуру и хохочет.

ВОТ ТАК СОКРАТИЛИ!

СОВЕТСКИЙ аппарат, как известно, все время сокращался. Однако наркоматы постоянно находили способы обойти решения о сокращении штатов. Владимир Ильич поставил этот вопрос на заседании Совнаркома. Он поручил П. И. Попову из ЦСУ (Центрального статистического управления) обследовать, как прошло сокращение штатов, и провести по всем советским учреждениям перепись фактически работающих людей до сокращения и после него. Попов, в свою очередь, поручил это своему аппарату, а тот составил докладную записку с таблицами и диаграммами.

По этой записке П. И. Попов и делал доклад. Выходило так, как будто проведено колоссальное сокращение штатов. Например, корреспонденты были сокращены на 50%, контролеры — на 70%, а авиаторы по Наркомзему — даже на 100%.

Когда дело дошло до авиаторов, Владимир Ильич, внимательно слушавший доклад, прервал Попова:

— Павел Ильич, это какие же авиаторы-то были в Наркомземе?

— А по борьбе с вредителями.

— Ну, а что же они в самом Наркомземе-то делали? Добро бы на полях, а то ведь в наркомате! Кого же они там уничтожали?

— А так сидели, вот их и сократили.

— Забавно, а сколько же их было?

— Сейчас.

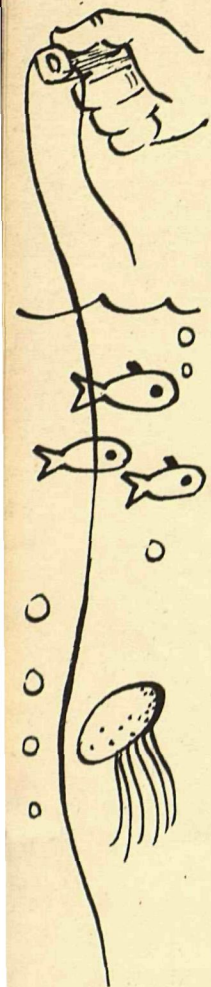
Попов начал рыться по папкам с детальными данными.

— Вот... Ага... Наркомзем... Нашел! Авиаторы... графа «было» — один, графа «сокращено» — один, графа «осталось» — ноль, графа «% сокращения» — 100.

Всеобщий хохот. Веселей всех смеялся Владимир Ильич. Павел Ильич, недоуменно поглядывая поверх очков, переводил глаза с одного наркома на другого, а затем и сам начал смеяться.

Авиаторы из Наркомзема разоблачили весь фокус работников ЦСУ. Владимир Ильич по точке быстро добрался до сути. Оказалось, что в то время как контролеров сокращено 500—600 человек, число инспекторов увеличено на 1 тысячу и т. д. В итоге «сокращения» штатов число сотрудников увеличилось.

Ну и попало же тогда Наркомтруду, который прохлопал этот саботажный трюк!



Detroit for Omsk? Philadelphia for Leningrad? One of the creators of America's atomic bomb offers a curious plan for limiting H-war. Page 40.

МЕНЯЮ:

Детройт на Омск? Филадельфию на Ленинград?

ТАКОЕ необычное объявление об обмене городами недавно появилось на страницах американского журнала «Ньюсуик». Оно сразу же привлекло к себе всеобщее внимание.

До сих пор широко практиковались всякого рода международные обмены: картинными галереями, театральными ансамблями, муниципальными делегациями городов, но обмен целыми городами!..

И однако американский ученый доктор Лео Сцилард предлагает обменять, правда, не свой родной Чикаго, а Детройт и Филадельфию на Омск и Ленинград. Каким образом?

...Прежде чем познакомиться с условиями обмена, познакомимся с господином Сцилардом. По специальности он биофизик, а по роду деятельности связан не с бюро обмена, а с атомной лабораторией: он один из крестных отцов американской атомной бомбы. Однако в 1945 году доктор был среди тех ученых, кто призывал президента Трумэна не сбрасывать атомные бомбы на японские города.

К 1960 году какие-либо расхождения с экс-президентом у него исчезли. С годами Лео Сцилард обрел завидное хладнокровие: его уже не страшит никакое ядерное оружие. Шестидесятидвухлетний американский доктор, поправляющий свое пошатнувшееся здоровье в терапевтической палате № 812 нью-йоркского Мемориального госпиталя, принял корреспондента «Ньюсуик» и посвятил его в тайны своего последнего «открытия».

Теория «обмена городами» сводится к тому, чтобы американцы сбросили на Омск и Ленинград водородные бомбы, Советам же рекомендуется в порядке обмена отправить на тот свет Детройт и Филадельфию.

— Мы должны научиться жить с атомной бомбой, — доказывает ученый-атомщик. — Россия и Соединенные Штаты никогда не станут друзьями и не разоружатся. Поэтому, — продолжает Сцилард, — обеим странам следует подкреплять «неопределенные словесные угрозы» практическими делами, то есть время от времени преподавать друг другу наглядные уроки «лимитированной атомной войны». В процессе обучения «России придется с обоюдного согласия пожертвовать Ленинградом и Омском в обмен, скажем, на Детройт и Филадельфию».

Всякий здравомыслящий человек, конечно, уверен, что потепление в международном климате вовсе не располагает к «обменам» по рецепту чикагского физика. Куда проще было бы осуществить вариант с обменом... палат в пределах одного города. Журнал «Ньюсуик» мог бы помочь Лео Сциларду, поместив нижеследующее объявление:

**МЕНЯЮ НЬЮ-ЙОРК НА НЬЮ-ЙОРК:
ОДНУ ПАЛАТУ № 812 (ТЕРАПЕВТИЧЕСКУЮ), светлая, с удобствами, НА
ОДНУ ПАЛАТУ № 6 (ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ).**

P. S. Доплату по обмену возьмут на себя благодарные жители Омска и Детройта, Ленинграда и Филадельфии.

Ю. СЕНИН

«Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию».

(В. И. ЛЕНИН)

ЧАС ПРОБИЛ!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.



Позволяет



«Он (Керенский) упивался собственным красноречием, ему курили фимиам империалисты, игравшие им, как пешкой, ему льстили, его боготворили — все за то, что он верой и правдой служил капиталистам...»

НА ЭТИХ страницах вы увидите портреты некоторых политических инвалидов, которых время они были повержены не оружием. Так они и вползли в историю, стена и кляня судьбу.

Этим неотразимым оружием было гневное ленинское слово.

Когда мы говорим: «Меткое выражение», значит, что оно попало в мишень. Ну, ну, так в восьмерку. Оценки и характеристики, которыми Ильич валил с ног врагов революции, со снайперской точностью мое «яблочко».

Взгляните на это изысканное общество ни персона, то «демократ» или «решитель», «лидер» или «вождь». И, конечно, завязые сторонники прогресса.

Вот Милоков — признанный глава ценных российских морганов и дюпон «конституционных демократов», которые конституционно и донельзя демократично «говаривали» с рабочими на Ленских приисках на Красной Пресне. Докатился до поста министра иностранных дел во Временном правительстве, откуда, кстати, быстро и скатился. В сентябре этот сторонник прогресса потел на пути сокрушения Советской власти, потел!

На рисунке мы видим Милокова в Столыпинском. Время действия — январь 1917 года. Лидер кадетов тайно договаривается с премьером черносотенного правительства о том, впрочем, подпись под рисунком сразу ясняет.

Соседей с Милоковым Эдуард Бернштейн и Карл Каутский — лидеры крайне правой германской социал-демократии. Оба были «революционеры»: они пропагандировали идею нежной «дружбы» труда и капитала.

Ленинские характеристики, приводимые в статье, показывают отношение этих социал-демократов к главным вопросам рабочего движения. Можно заметить, что позиция их сводится к древоу всех ракообразных: «Вперед на звание».

Рядом с Каутским мы видим жонглера



«Мартов, положительно, виртуоз по части облачения реформистских рассуждений, теорий, платформ словечками эффективно - марксистского и эффективно-революционного вида!»

«...Каутский, точно какой-то ушедший на повторении учебников истории, вращается задом к XX веку, лицом к XIX, жует и пережевывает старье об отходе демократии к абсолютизму и средневековью. Поистине, точно во сне мочалка».



напомнить!

портреты не-
в. В свое
трагизмом
— охая,
горячее и
не!» — это
е в девят-
геристики,
демарской
били в са-
ство. Что
еволуцио-
о, все они
доморо-
ов. Лидер
не вполне
чно «раз-
рисках и
министра
ительство.
После Ок-
над проек-
Напрасно
месте со
1907 го-
с глава-
и, чтобы...
все объ-
Бернштейн
своего кры-
отъявлен-
ндировали
ала.
ые здесь
датель к
Нетрудно
внему ло-
д!»
ра-эквивили-

бриста (Мартова — одного из столпов меньшевизма. Слова Ильича относятся к тому периоду эстрадно-политических выступлений Мартова (1911—1912 годы), когда он, прикрываясь марксистской фразеологией, так увлекся проповедью ликвидаторства, что уже готов был броситься в объятия либеральной буржуазии.

И, наконец, перед нами мистер Александр Федорович Керенский (домашний адрес: Нью-Йорк, Парк-авеню). В прошлом — «социалист-революционер», премьер Временного правительства, верховный главнокомандующий и прочая и прочая. Сперва — адвокат по профессии, потом — сестра милосердия по необходимости (см. историю бегства Керенского из Гатчины), теперь — иждивенец по социальному положению.

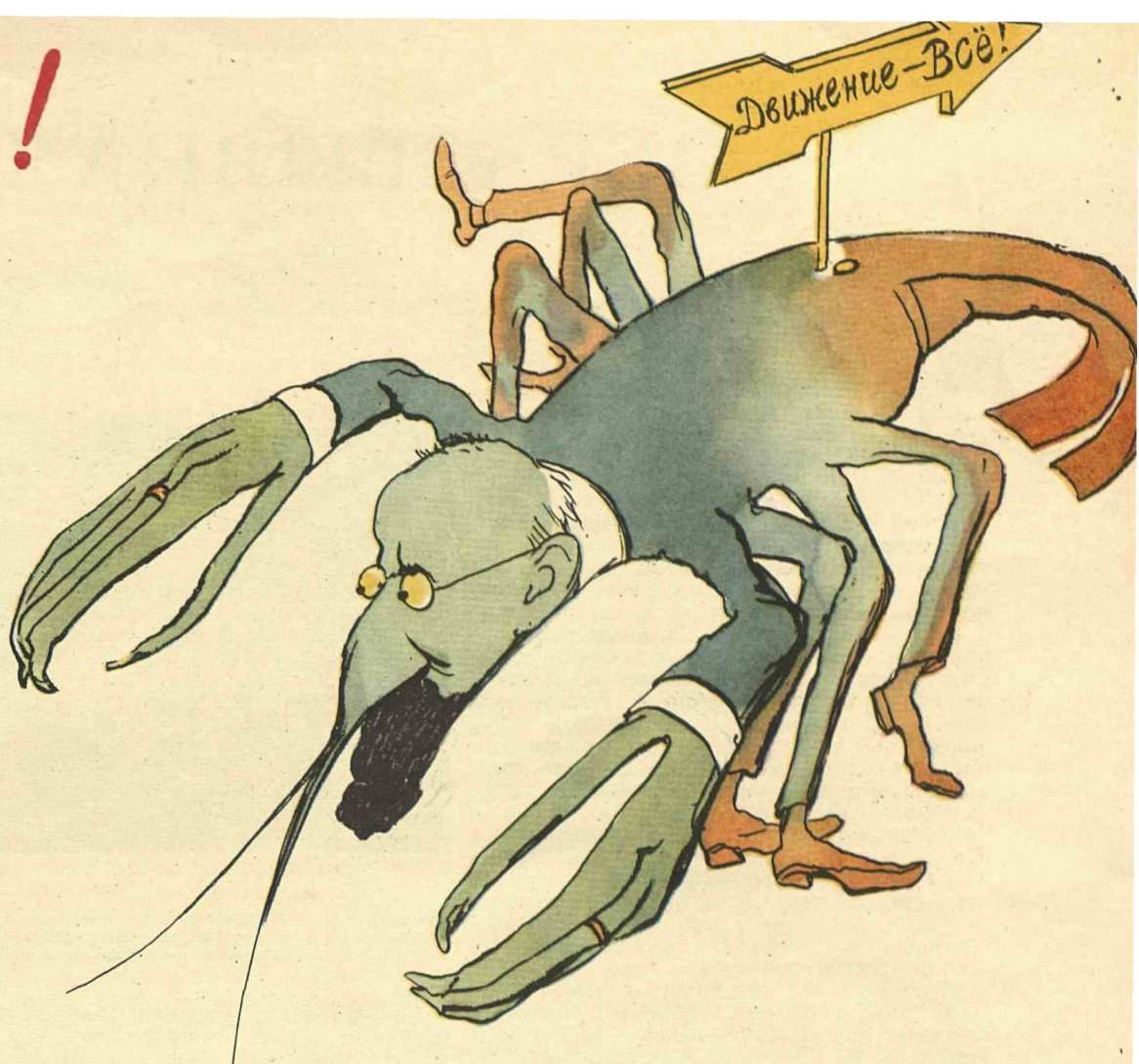
Владимир Ильич любил шахматную игру, и поэтому нет ничего удивительного в том, что фигуру Керенского он приравнял к соответствующей шахматной фигуре...

Здесь изображена лишь какая-то сотая часть всех тех тайных и явных врагов Октября, которые были пригвождены к позорному столбу крылатым ленинским словом. Все они давно уже сданы в архивы истории вместе с их «основополагающими» и «фундаментальными» попытками ниспровергнуть ленинизм. И, может быть, только изредка какая-нибудь ехидно-витиеватая цитата Мартова или Бернштейна вынырнет из-под толстого слоя архивной пыли, чихнет, сонно взглянет на мир, который преобразуется под могучим воздействием коммунистических идей, и мрачно нырнет обратно в анналы...

Впрочем, не стоило бы тревожить все эти тени прошлого, если б они не были прообразами и прародителями иных сегодняшних «рабочих лидеров», этих, по выражению Ильича, «тоже-социалистов».

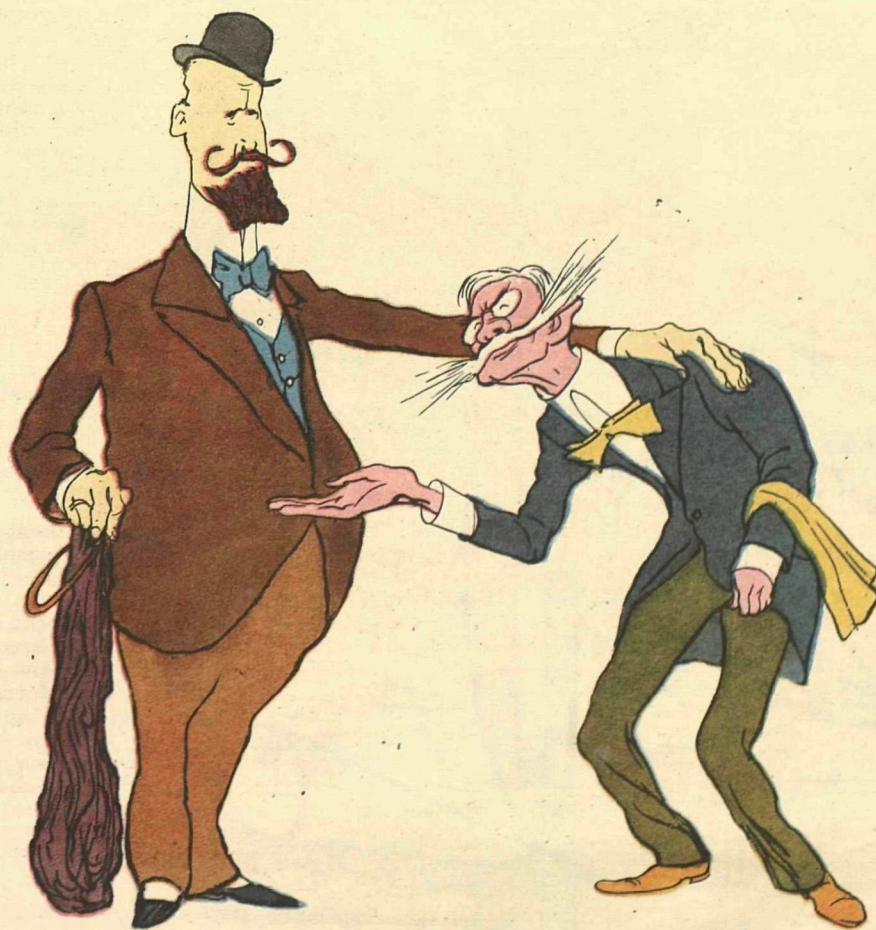
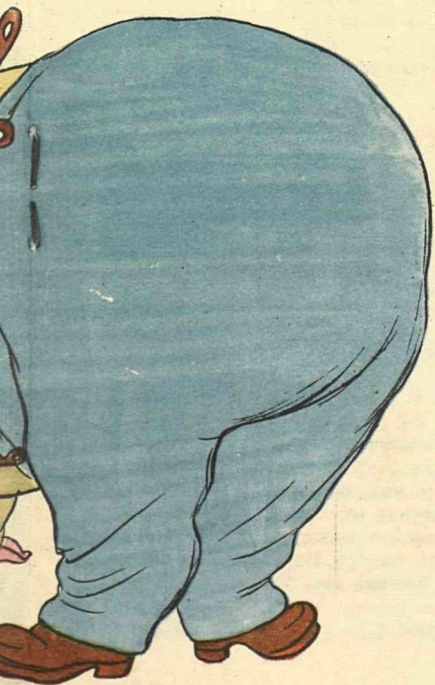
Всякому нынешнему поклоннику ревизионизма, который мнит себя критически мыслящей личностью и норовит «пересмотреть марксизм», можно порекомендовать заглянуть в ленинские сборники — он наверняка найдет там кое-что не очень лестное о самом себе.

Такова неувыдающая жизненная сила ленинского слова.



«Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная цель — ничто, движение — все» это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений».

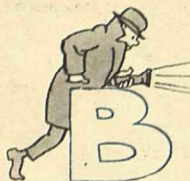
учитель гимназии, засох-
тории, упорно поворачи-
с XVIII, и в сотый раз...
ношении буржуазной де-
вековью!
ку жует!»



«...Милоков беседует на аудиенции со Столыпиным: «Извольте видеть, ваше-ство, я расколол революцию и оторвал от нее умеренных! На чаек бы с вашей милости»... Столыпин: «Н-да, я походатайствую о вашей легализации. Знаете, Павел Николаевич, вы лаской раздробляйте рабочую сволочь, а я ее дубьем буду. Вот мы тогда с обеих сторон... По рукам, Павел Николаевич!»

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ

В США существует подлинный союз труда и капитала.
Из американских газет.



В МИРОВОЙ литературе можно найти немало примеров трогательной и верной любви. Но ни пылкость Ромео, ни преданность Тристана не идут ни в какое сравнение с теми поистине неземными чувствами, которые американские предприниматели испытывают по отношению к своим рабочим. Так, во всяком случае, они утверждают, а кто решится брать под сомнение признание влюбленного?

Если американский предприниматель клянется, что он не в силах оторвать глаз от своих рабочих, можете не сомневаться: он предельно искренен. Судите сами. Ведь он доходит даже до того, что приобретает и устанавливает на конвейерах крохотные телевизионные передатчики, при помощи которых можно скрытно наблюдать за действиями рабочих.

Стремление американских промышленников быть в курсе мыслей и чаяний своей возлюбленной рабочей силы так велико, что фабриканты пользуются для этого услугами более чем 150 тысяч частных сыщиков, на которых они не жалуют 250 миллионов долларов в год.

Трогательным примером неразрывной связи между хозяином и рабочими явилось заседание союза нью-йоркских водителей автобусов. Во время обсуждения вопроса о забастовке выяснилось, что через замочную скважину шкафа за присутствующими любовно следила пара хозяйских глаз.



Руководитель профсоюза работников нью-йоркского метро перед потайным микрофоном, найденным в помещении профсоюза.

Да что говорить о глазах! Такие крупные компании, как «Монтгомери уорд», «Ф. У. Вулворт», «Форд», и многие другие не считаются ни с какими затратами, лишь бы не скучать по голосам своих рабочих. Маленькие чувствительные микрофоны,

называемые в просторечии «клопами», устанавливаются в столовых, гардеробах и даже... уборных. Ведь кто знает, может быть, именно там и прозвучит какое-нибудь заветное слово, например «забастовка»!

Как писала недавно газета «Нэшнл гардиан», «...сыщики на предприятиях снабжаются маленькими микрофонами, иногда спрятанными в часах, с тем, чтобы они могли фиксировать разговоры ничего не подозревающих рабочих и записывать их на миниатюрный магнитофон, скрытый в одежде».

Если к этому добавить широко применяемую американскими хозяевами практику подслушивания телефонных разговоров своих служащих, то отрицать тесную связь, во всяком случае, телефонную, между трудом и капиталом будет просто невозможно.

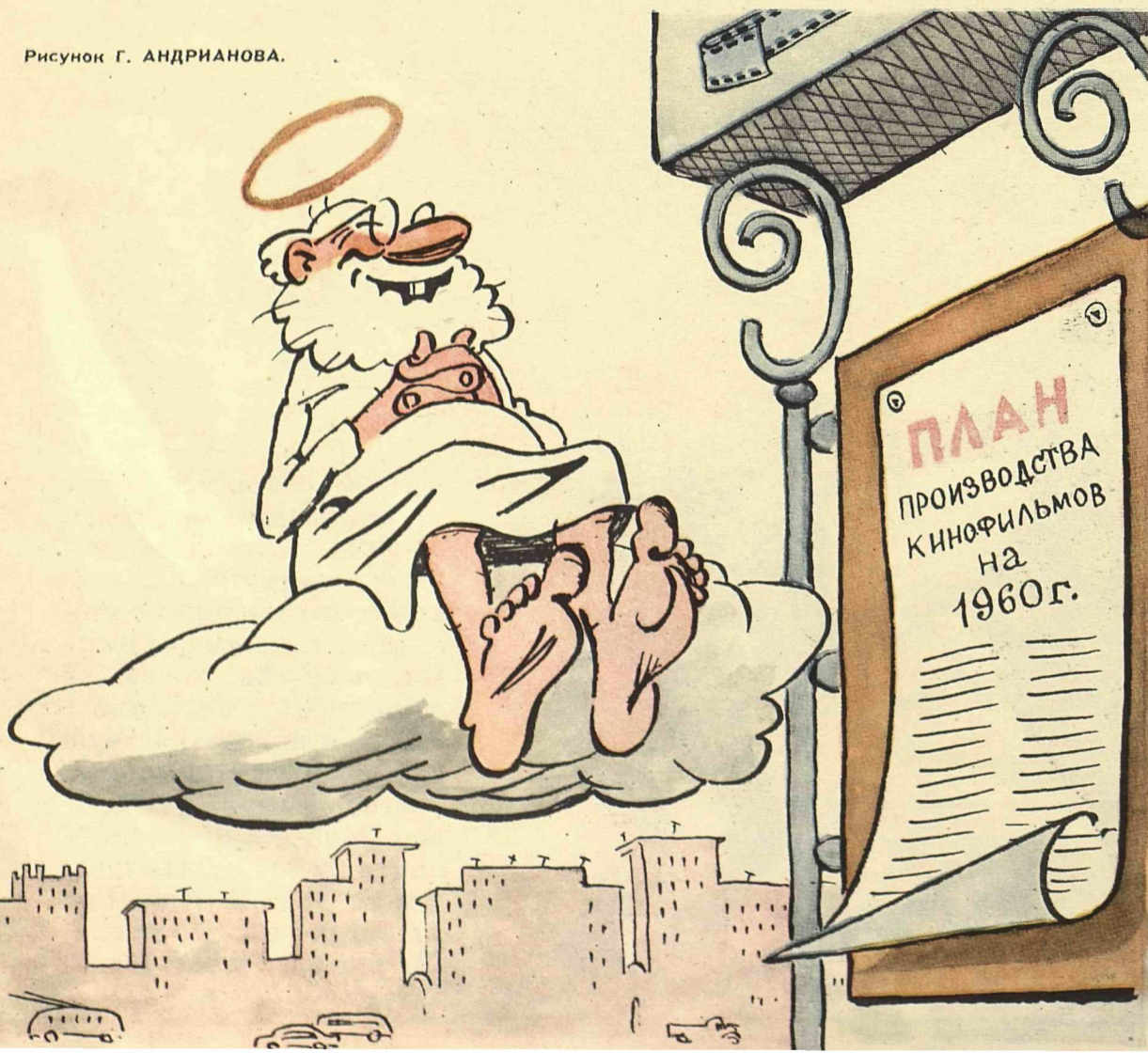
Эта связь через провода стала такой распространенной, что некоторые профсоюзные лидеры в США предлагают проводить важные совещания в море. Причем все участники должны быть нагими, чтобы нельзя было скрыть в трусиках небольшого магнитофончика. Кстати, такая холодная ванна отлично подействовала бы на тех немногих людей в США, которые до сих пор верят старым-престарым басням о классовой гармонии.

З. ЮРЬЕВ

БОЖЬЯ БЛАГОДАТЬ

— После «Праздника святого Иоргена» и «Сотворения мира» ни одной богопротивной картины! Красота!..

Рисунок Г. АНДРИАНОВА.



Борис СИБИРЯКОВ,
Олег ЛЕВИЦКИЙ

МОДНАЯ ПЛАСТИНКА

- Как дела!
 - Написал новинку!
 - Что за песенка!
 - «Лепестки»!
- Сам купить не могу пластинку!
В магазинах рвут на куски!..

...Мы достали пластинку с боем.
Ну, халтура! Ну, суррогат!
Удивительно нам обоим:
Почему она нарасхват,
Почему эта дрянь в почете!
А разгадка тут не хитра:
Дело в том, что на обороте
«Подмосковные вечера».

Ф. НОСКОВ

БАСНЯ О БАСНЯХ

Он баснописец! Он поэт!
Ему вопрос с рождения ясен.
Он каждый день по двадцать басен
Строчит... Кого в них только нет:
Жирафы, Львы, Малиновки, Синицы,
Зайчишки пьяные гуляют по страницам.
Наивный спросит, в чем секрет,
Что Человека в баснях нет!
Ответ простой. Давайте мыслить вслух.
Что может сделать автору Петух!
Чем насолит ему Ворона или Рак!
А Человека тронь...
Нет, автор не дурак!



НЕДЕЛИКАТНОСТЬ

ЗА СТОЛОМ нас было четверо: хозяин дома, директор местной школы Георгий Анисимович, бывший моряк-офицер, его жена Мария Петровна, тоже местная учительница, ее родная тетка Пелагея Степановна, знаменитая во всей округе (да не только в округе, а куда пошире!) колхозная доярка, и я.

Мы ужинали, попивая терпкое, черно-рубиновое цимлянское, и неторопливо беседовали. Говоря языком газетных режиссеров, беседа протекала в теплой и сердечной обстановке.

Сначала разговор вертелся вокруг московских театральными и кинематографическими темами: меня спрашивали, я отвечал. Отвечал, а сам все поглядывал на знаменитую доярку. На первый взгляд она казалась хрупкой женщиной, типичной старой русской крестьянкой в белом платочке, повязанном по старинке узлом под подбородком, с глубоким взглядом умных, темных, чуть уставших глаз. Но ее руки, лежавшие на коленях, широкие в кисти, с узловатыми, огрубелыми и в то же время выразительными пальцами, словно излучали еще не истраченную силу. Я смотрел на эти руки, надоевшие полтора миллиона литров молока — целую молочную реку! — и мне почему-то больше не захотелось рассказывать своим собеседникам о столичных театральных происшествиях. Разговор получил другое направление. Теперь им владела Пелагея Степановна.

Каюсь, что я задал ей типично городской, легкомысленный вопрос:

— Существует такое мнение, что корова — тупое животное. А как вы считаете, Пелагея Степановна?

Она взглянула на меня неодобрительно.

— Это у кого же такое мнение?

— Считают... некоторые...

— Сами они, наверное, тупые... некоторые эти! Корова очень даже понятливая скотина, если с лаской к ней подходить. А на ругань или на грубость какую она, конечно, непонятливая!

И пошел интереснейший рассказ о коровах... И вдруг во время этого монолога Пелагея Степановна сунула руку в карман своей жакетки и вместе с носовым платком вытащила нераспечатанный конверт.

— Письмо какое-то получила, — сказала она, адресуясь к Георгию Анисимовичу. — Пошла к тебе, не успела прочитать. А надо прочесть. Может, что срочное.

Она разорвала конверт, вытащила бумагу и, вооружившись очками, стала читать какой-то машинописный текст.

По мере чтения лицо знаменитой доярки как бы вытягивалось в длину. Улыбчивое его выражение исчезло, стерлось. Лицо стало растерянным и смущенным. И немножко обиженным. Но, пожалуй, все же больше смущенным.

— Что там такое, Пелагея Степановна? — тревожно спросил хозяин дома.

— Да вот, прочти!

Георгий Анисимович взял у старушки бумагу и громко прочитал:

— «Областной музей краеведения просит вас сдать в музей для хранения на вечные времена ваш а) халат, б) платок головной, в) подойник. А также ваш костюм, в котором вы были, когда обратились к землякам с вашей прочувствованной речью. Стоимость костюма может быть вам компенсирована...»

За столом, где только что шел интересный, живой разговор, стало тихо. Воцарилась та неловкая, неприятная тишина, о которой ли-

ри говорят: «Тихий ангел пролетел!», — а прозаики: «Дурак родился!»

— Да что они там... — начал было Георгий Анисимович, но вовремя спохватился и, покосившись на жену, не сообщил нам, что именно стряслось с работниками областного музея краеведения.

— Костюм им отдать?! — с тем же смущением, вопросительно пожав узкими плечиками, сказала знаменитая доярка. — Если нужно для народа, пожалуйста! Мне костюма не жалко... Хотя он и новый почти. И шерсть довольно приличная. Только что в нем особенного? Костюм самый обыкновенный, таких тысячи. Ордена ему вид придают, это верно, но не могу же я свои награды... в музей! Я ведь еще...

Она не договорила, поднялась и стала протыкать.

— Знаете что, тетя! — горячо сказала Мария Петровна. — Вы отдайте халат, платочек и подойник, бог с ними. А костюм не отдавайте. Он у вас еще совсем хороший. И зачем вам возить его, другой шить!

В глубоко запавших глазах Пелагеи Степановны заглянула лукавая смешинка. Она вздохнула и тонким, нарочито бабьим, деланным голосом сказала:

— Милая, так ведь опоздали они, областные-то. Уж забрали у меня все: и халат, и платок, и подойник!

— Кто забрал, тетя?!

— Московская девушка приезжала. Тоже из музея. Шустрая такая! Пристала, как с ножом к горлу: отдайте да отдайте! Пришлось отдать! Она халат мой себе на плечо, платочек на голову, подойник в зубы. И бегом на станцию! Так что пусть не обижаются областные. Всю как есть меня уже обобрали. Нечего давать. Бог подаст!

Ушла наша доярка. Я тоже попрощался с гостеприимной Марией Петровной и отправился на ночевку. Георгий Анисимович вызвался меня проводить.

Был тихий вечер. В наступившей темноте уютно тонули графически четкие квадраты добротного рубленых черных изб. Лениво перебрехивались собаки. «Гав-гав!» — хриплым, стариковским басом лаял на одном конце села какой-то, видать, заслуженный, посевший на своей сторожевой службе кобель, словно говорил: «У меня все в порядке. А у вас?» И сейчас же с другого конца звонко отвечала ему молодая, только начинающая охранную деятельность, но явно талантливая собачонка: «Гав-гав-гав! И у нас порядок!»

Некоторое время мы шли молча. Георгий Анисимович сердито сопел. Потом взял меня под руку и сказал:

— Знаете, никак не могу успокоиться с этими музейщиками. Ведь подумайте, какая (он замялся, подыскивая нужное слово)... какая неделикатность!

Неделикатность! Точное слово было найдено. Теперь мне ясно было, что стряслось с областными музейными работниками. Несмотря на всю внешнюю уважительность и даже почтительность тона их письма, адресованного Пелагее Степановне, оно, это письмо, дышало грубо-чиновничьим неуважением к человеку. В глазах «музейщиков» знаменитая доярка, старая женщина, была только «экспонатом», «центральной фигурой экспозиции», всем чем угодно, но только не живым человеком.

— Я прошлым летом был на юге, в маленьком городке, — снова заговорил Георгий Анисимович. — Смотрю, вывеска: «Краеведческий

музей». Зашел. На одном стенде — трубка знаменитого партизана Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова, на другом — пуговица от мундира наполеоновского grenадера. А Наполеоном в этих местах даже и не пахло: до старой смоленской дороги отсюда тысяча, а то и больше километров! В чем дело? Оказывается, предок местного помещика дружил якобы с Денисом Давыдовым. А принадлежала ли сия трубка самому поэту-гусару — это еще тоже бабушка надвое сказала! Говорю заведующему музеем: «Неужели ваш район только пуговицей наполеоновского grenадера и знаменит? А где ваши люди, прославленные вояки и труженики?» Обиделся. «Есть и наши!» Откуда-то приносит две базарные фотографии. Лица искаженные, расплывчатые. «Вот, — говорит, — пожалуйста, ударники наших полей!»

Мы свернули в проулок. Георгий Анисимович грозно прикрикнул на очередного Тузика или Шарика, свирепо подкатившегося к нам прямо под ноги, и продолжал развивать мысль, не давшему ему покоя:

— Это один полус. А случай с Пелагеей Степановной — другой. Ну, выставить для обозрения ее платочек и подойник — это еще туда-сюда. Это вроде как бы ее боевые доспехи. Но костюм, который они хотят снять с нее столь бесцеремонно, зачем его-то выставлять? Выставьте хорошую фотографию. Или живописный портрет. Да я бы еще скульптора попросил руки ее вылепить. Вы видели ее руки?! Да записать бы ее беседы с молодыми доярками и телятницами, да биографию ее похудожественней запечатлеть. А схватить платочек и подойник у старухи и сунуть под стекло — это ведь проще простого!

Он перевел дух и совсем уже сердито закончил:

— Живет у нас в селе один старый учитель. Тоже в своем роде знаменитость: полвека тут преподавал. Имеет звание — заслуженный учитель республики. Получил человек почетную грамоту, не успел ее рассмотреть — налетели музейщики, отобрали в музей... Как бы снова не прилетели! «Отдайте, — скажут, — товарищ учитель, для музейного обозрения ваши штаны, в коих вы сидели на кафедре, когда давали свой последний урок перед выходом на пенсию». А что в них особенного, в штанах этих? Штаны как штаны. Чуть сияют сзади, но вполне можно поносить...

— А как вы думаете, Георгий Анисимович, — спросил я своего провожатого, — ответит Пелагея Степановна музею на это письмо или не ответит?

— Ответит! — сказал Георгий Анисимович. — Она старуха вежливая и деликатная. Как же можно не ответить! Я ей помогу ответ составить.

Он озорно подмигнул мне и закончил:

— Она на их неделикатное письмо ответит одной деликатной фразой. Из Василия Теркина, кажется. «Я — солдат еще живой!» И все. Точка! Вот вы и пришли. Спокойной ночи!

Он пожал мне руку и пошел домой.

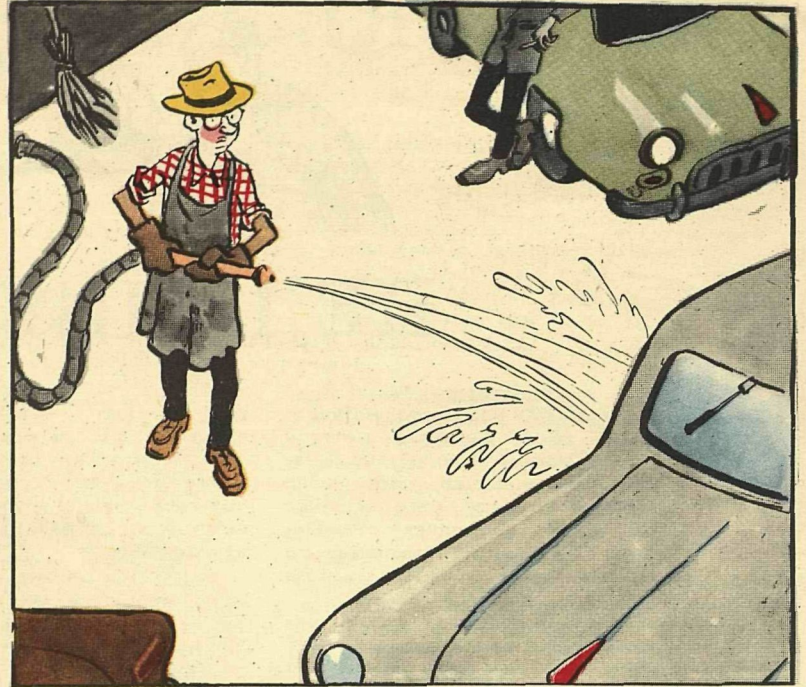
Рязанская область.

В этом очерке нет ничего выдуманного. Деликатности ради я лишь изменил имена и отчества действующих лиц.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.



института связи...



автодорожного...



машиностроения...



лесного хозяйства...

АРГО

ОТЕЦ И ДЕТИ

Уличная встреча, два старинных друга.

— Дорогой, здорово!
— Здравствуй, дорогой!
— Как тебе живется?
— Ничего, не туго. А тебе!
— Неважно. В доме непокой.
— Почему, в чем дело!
— Сложная причина...
Но, однако, слушай, не перебивай:
Как тебе известно, у меня два сына:
Старший—Константин, а младший—Николай.

Ими я могу по совести гордиться:
Учатся неплохо, тройки ни одной.
Но никак не могут меж собой ужиться,
Чуть ли не дерутся каждый выходной...

Как они заспорят, так со всем размахом!
Не дает один другому и вздохнуть.
— Что ж, один, наверно, любит Блока
с Бахом,

А другой к наукам тянется!
— Ничуть.
В молодые годы, помнишь, мы читали
Мериме Пропера и Дюма-отца!
Помнишь — сочетанье кружева и стали,
И плащей и шпаг, и шелка и свинца!

Были поединки, песни и остроты,
И среди героев, восхищавших нас,
Были там католики, были гугеноты...
Ты еще не понял! Так поймешь сейчас.

Вот мои два сына — толком разберись ты,
У какого правда, у какого ложь!
Этот — в гугеноты, а другой — в паписты!
Ты еще не понял! Так сейчас поймешь.

Старший примыкает к церкви православной,
Ходит причащаться и зовет меня.
Ну, а младший сам признался мне недавно:
— Я, мол, папа, адвентист седьмого дня.

И у них идет между собою склока!
Что всего нужнее людям на земле!
Никакого Баха! Никакого Блока!
Только черти в ступе, ведьмы на метле!

Коля Константину:— Мы энтузиасты!
Костя Николаю:— С нас берут пример!

Этот громогласно:— Жалкие схоласты!
Тот молниеносно:— Темный изувер!

Коля Константину... Костя Николаю...
Я же между ними сам не свой стою.
Слушаю, и ничего не понимаю,
И своих не узнаю! Не узнаю!

Я следил за ними, проверял отметки,
Судя по успехам, их пускал в кино...
А они... Поди ты! Постарались детки!
Что ты улыбаешься! Это не смешно.

Лучше б им в стилиаги, к смехотворным
франтам,
Лучше б в диких танцах животом трясти.
Но чтоб православный бушевал с сектантом!
У меня в квартире! Господи, прости!

У меня ведь скоро пенсия выходит,
А они не держат даже и в уме,
Что они меня предательски подводят,
Весь мой стаж порочат! Портят репутацию!

Так пред старым другом душу изливая,
Говорил минут он двадцать по часам.
И корил своих детей, не понимая,
Что в немалой мере виноват он сам!

Минион неприятностей



АССКАЗЫВАЮТ о сенсационном событии: из самолета «ТУ-104», установленного на Выставке достижений народного хозяйства в Москве, среди бела дня исчезло кресло. Беспрерывный поток восторженных посетителей проходил через воздушный лайнер, и ни у кого под мышкой не удалось заметить никакой мебели. А между тем от кресла осталось совсем немного — ножки да рожки.

Скажете: мистика? Отнюдь нет. Научно и практически вполне объяснимый факт. Даже если один из десяти посетителей отколупнет «на память» кусочек фанеры от спинки или от ножки, то к вечеру не одно кресло окажется растерзанным.

А если бы в киоске возле воздушного гиганта продавали памятные подарки, ну, допустим, маленькие «ТУ-104», вроде тех, что любят носить на лацканах пиджака авиационные работники, никому и в голову бы не пришло калечить мебель. Но таких сувениров нет.

А что есть?

На полках киосков стоят жестяные вазы в виде портативной дорожной урны со стеклянным покрытием, лихо размалеванные под фантастический серо-буро-малиновый мрамор. Это — производство 5-й Московской механической артели.

А вот семидесятирублевые коробки из осколков витринных стекол, «украшенные» выгурной медной бахромой, — точная копия третьеразрядного парижского изделия времен наших прабабушек. Впрочем, прабабушки тут ни при чем: «чудо красоты» выпускается Московским металло-штамповочным заводом и Московской зеркальной фабрикой № 2.

Вот уже много лет Дулевский фарфоровый завод под негодующие возгласы нескольких художественных советов выпускает аляповатые 90-рублевые блюда.

К числу шедевров безвкусицы, которыми пытается оснастить своих покупателей московский ГУМ, относятся медные, наподобие конфорки от замоскворецкого самовара, подставки под бутылку водки или вина с музыкальной шкатулкой, исполняющей гимн пропойц: «Шумел камыш, деревья гнулись...» Начальник цеха ширпотреба Московского машиностроительного завода тов. Плугин мог бы в крайнем случае сделать такую игрушку себе или, шутки ради, подарить ее своему приятелю. Но открывать на государственном предприятии уголок алкоголя и выдавать глупую подставку за сувенир о Москве просто позорно. А ведь ГУМ-то ими торгует!

С упрямым усердием рекламирует ГУМ альбомы в плюшевых переплетах, воскрешающие быт салоппниц прошлого века. И в такой переплет по воле руководителей ленинградской фабрики «Светоч» должны попасть фотографии новых зданий, улиц, парков наших красавцев городов!

Не будем перечислять всех сувенироуро-

дов. У каждого из читателей, наверное, найдутся свои примеры. Да вот что об этом говорит товаровед ГУМа по сувенирам М. И. Иванова. Ей, как говорится, и карты в руки.

— Иной раз бывает противно смотреть на то, чем мы торгуем, — горестно сознается товаровед.

А где же сувениры, которыми мы издавна гордимся? Где опошнянская, дагестанская и скопинская керамика? Где милые бабенковские точеные фигурки, нарасхват покупавшиеся в дни Московского фестиваля молодежи? Где маленькие круторогие барашки с Васильковского завода, что под Киевом? Где берестяные шлемоходские туесочки? Где «медведь со спутником» — остроумная игрушка богородских резчиков? Где новые сувениры?

Одни промелькнули и исчезли, а другие больше не выпускаются или их прекратили привозить в Москву. В магазинах иногда можно встретить красочную «дымку», изделия палешан, мстерцев, федоскинцев, «пламенную Хохлому», жестовские подносы. Все отличные вещи, но этого же мало!

Столичные магазины быстро бы распродали вазочки, тарелки, куманцы из Опошны, но тут действует пословица: «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз». Опошнянская артели «Художественная керамика» выгоднее сдавать всю свою продукцию находящейся под боком Полтавской базе Укруптхозторга: транспортники ухитряются половину сувениров бить в пути... Вот почему за последние три года из Опошны в Москву дополз всего один грузовик с товаром. Даже из такого близкого города, как Скопин на Рязанщине, железнодорожники ухитряются довозить вместо сувениров одни черепки.

Точеные игрушки из подмосковного села Бабенки давно не продаются по анекдотической причине. Ручки деревянных кукол крепились на спичках и часто ломались. «Найдите прочное крепление!» — справедливо потребовали торговые работники. И вот за два последних года удалось сфотографировать невидимую ранее сторону Луны, а проблема крепления ручек у кукол осталась неразрешимой. Вот уж действительно дошли до ручки!

Конаковский фаянсовый завод имени Калинина выпускал сувениры «Царь-колокол» и «Царь-пушка», но... неожиданно прекратил производство. Маленькие сувенирные кувшинчики работы В. Г. Филянской вызвали в начале прошлого года восторг на художественном совете Мособлсовнархоза, но... света не увидели. Тарелочки художницы Л. Орловой с видами Москвы утверждены тем же советом еще в 1956 году, и все же Дмитровский фарфоровый завод их не выпускает... «Воробы» ленинградского скульптора Сморгона пользовались большой популярностью, но их не купишь сейчас в магазинах ни за какую цену.

А со многими народными промыслами и предприятиями художественной промышленности вроде украинских заводов в Будах и Василькове или мастерами села Полховский Майдан, Горьковской области, у московских торговых организаций вообще нет связи.

Громоздкие, безвкусные сувениры на полках киосков — неприятность не такая пустяковая, как это может показаться на первый взгляд. Сувениры — это память о больших событиях, дружеских встречах, поездках, это визитная карточка страны, ее национальной культуры. Сувениры выпускаются огромными тиражами. Один только ГУМ каждый месяц продает свыше миллиона сувениров. Так зачем же превращать их в миллион неприятностей?

Беда в том, что у нас о сувенирах как следует не думают ни в совнархозах, ни в торговых организациях. А если иной раз получают задание «подумать», то делают это кустарно, исходя из принципа: «Что нравится мне, моей жене Марье Петровне и моей теще Пульхерии Ивановне». Есть люди, считающие, что вместе с портфелем директора треста или начальника главка на них снизошло некое «всепонимание»: отныне-де я и в художественном вкусе непрекращаемый авторитет. И невдомек таким людям, что, например, директор консерватории — большой специалист в музыке, но не обязан до тонкости разбираться в марках цемента. С другой стороны, даже самый лучший, сверхпередовой директор дровяного склада не может претендовать на то, чтобы быть членом жюри международного конкурса пианистов. Он таких дров наломает, что сам не обрадуется.

На что мы намекаем? А вот на что. Министерство торговли РСФСР 3 февраля 1960 года объявило конкурс на лучший сувенир. Отличная мысль! Но в жюри, призванное оценить художественные качества фарфоровых статуэток, браслетов, деревянных резных фигурок и пластмассовых изделий, включили только торговых работников и производственников — галантерейщиков и химиков. А вот о специалистах по красоте — о художниках, скульпторах, искусствоведах — начисто забыли. Сами, мол, с усами...

И по-прежнему памятью о Москве служат подставки, исполняющие гимн пропойц, а плюшевые альбомы выдаются за образец вкуса советских людей. В крайнем случае работники совнархозов утвердят новые подставки и подберут поярче цвет плюша. При нынешнем положении вещей трудно рассчитывать, что дело с производством и торговлей сувенирами будет серьезно улучшено.

И создается реальная опасность, что кресло в «ТУ-104» на Выставке достижений народного хозяйства доломают окончательно.

Юрий АРБАТ



Не правда ли, хорошие сувениры! Но, к сожалению, их нигде не купишь!



Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Театральный разезд.

М 2



ГРОССМЕЙСТЕР сыграл e2 — e4! Самозабвенно прошептав эти широко известные ильф-петровские слова, стройные ряды шахматных болельщиков затаяли дыхание в ожидании ответа черных.

Так начался матч на первенство мира по шахматам между чемпионом мира Михаилом Ботвинником и претендентом на шахматную «корону» Михаилом Талем.

Впрочем, бесчисленные шахматные болельщики вступили в борьбу заблаговременно. Захватив стратегически важные позиции, они ринулись на штурм кассы театра имени Пушкина, где происходит матч. Лишь немногим счастливицам удалось, жертвуя собственными фигурами, добраться до заветного окошка и провести свои пешки в ферзи — купить билеты. Другие же безнадежно застряли в центре, и сейчас шум уличного движения заглушается их жалобными стенаниями:

— Нет ли лишнего билетика?..

А в театральном зале зрители с неослабевающим интересом часами следят за происходящим на их глазах бессловесным диалогом, до предела насыщенным борьбой. Драматические коллизии следуют одна за другой, и в отличие от большинства спектаклей заранее не угадаешь не только, чем все закончится, но и как поступит тот или иной персонаж.

Великолепные шахматные драматурги Ботвинник и Таль наделили каждую фигуру многогранным характером. Бездельничавшая весь первый акт (дебют) ладья во втором акте — миттельшпиле — оказывается способной на подвиг и жертвует собой ради общей цели. Явно отрицательный тип — король — в третьем акте (эндшпиле) неожиданно обнаруживает демократические тенденции: с опасностью для жизни защищает простые пешки.

Вот почему в зале происходит то, что — увы! — далеко не всегда бывает в театре: зри-

тели не только смотрят, но и переживают происходящее на сцене. И еще как переживают! На каждую реплику-ход болельщики реагируют напряженным шепотом, напоминающим шипение снаряда перед взрывом.

Самые нетерпеливые, влившись глазами в демонстрационную доску, тут же лихорадочно ищут пути к немедленной победе.

— Смотрите, смотрите! — возбужденно шепчет соседу пожилой человек профессорской внешности. — Бот идет на e5, и Талю некуда деваться.

— Почему некуда? Ферзь h4.

— Нельзя на h4, — поворачивается к ним мальчуган лет двенадцати с пионерским галстуком. — На турнире сорок шестого года в сицилианской партии... — И будущий гроссмейстер подробно рассказывает о партии, игравшейся, когда его еще не было на свете.

— А у меня, — сообщает впереди сидящий, растерянно показывая на карманные шахматы, — при любом варианте получается форсированный выигрыш.

— Чей?

— Вот в этом-то и дело! Когда я играю за Талья, — выигрывает Ботвинник, играю за Ботвинника — выигрывает Таль.

В фойе и коридорах ни на минуту не прекращают своей бурной деятельности «бюро прогнозов» с постоянно меняющимся составом.

Поединок двух Михайлов, или, выражаясь околошахматным языком, М 2, в разгаре. Исход его не вызывает сомнений. Он заранее и точно предсказан главным арбитром матча шведским гроссмейстером Штальбергом:

— Чемпионом мира будет советский гроссмейстер!

...А на улице все так же, не утихая, волнуется многоголосое племя не попавших в театр болельщиков. Мимо них, с трудом протискиваясь сквозь толпу, виновато пробраются машины с шахматными клетками на кузове, над их головами в разные стороны рокируются облака, вокруг них ясно ощущается дебют весны, но болельщикам сегодня не до этого. Не сводя глаз с установленной для них возле театра демонстрационной доски, беззаветные поклонники шахматной музыки, перебивая друг друга, возбужденно предлагают:

— А что, если пойти так?..

Я. ДЫМСКОЙ

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

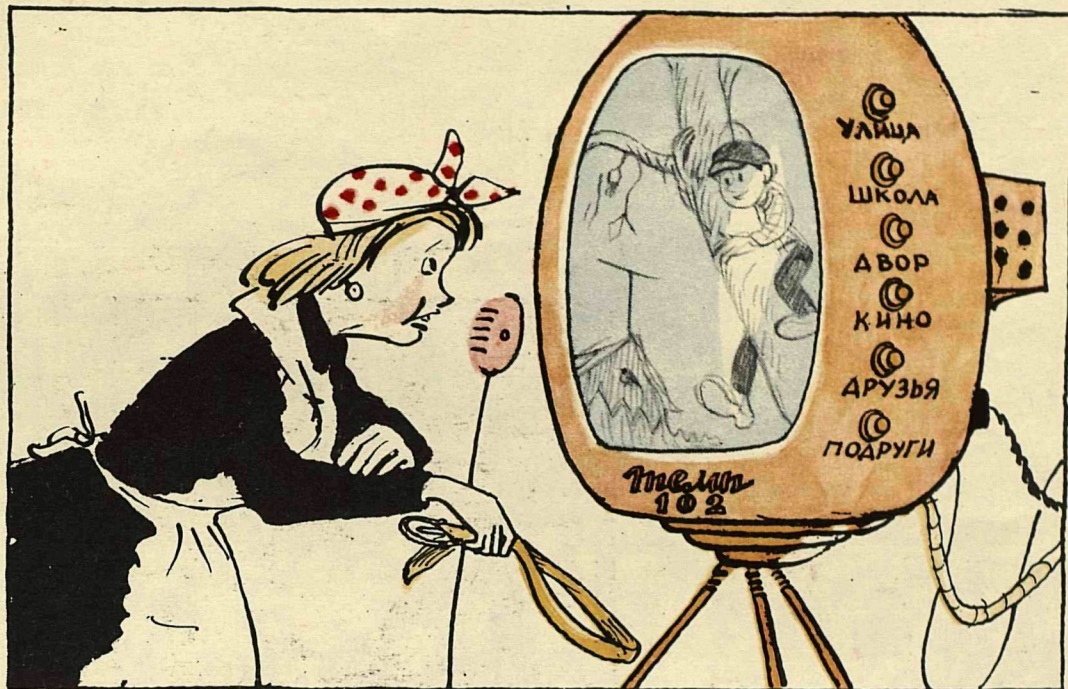
Почему так весело продавщице обувного магазина № 47 (Москва, 1-я Хорошевская улица, 9) Вале Резниченко?

Не догадываетесь? Скоро весна!.. И узнала она об этом не из сводки погоды Центрального бюро прогнозов, а из другого, более надежного и авторитетного источника. Всю зиму в магазине не было простых валенок. И вдруг, когда пригрело солнышко, растаяли снега, зажурчали ручьи, из конторы Мособувторга поступили валенки. Верная примета: значит, скоро весна!

Отныне всем желающим получить справку о погоде не следует понапрасну беспокоить бюро прогнозов. Звоните начальнику торгового отдела Мособувторга тов. Е. В. Пшеничному. Точность и безошибочность прогнозов гарантируется.

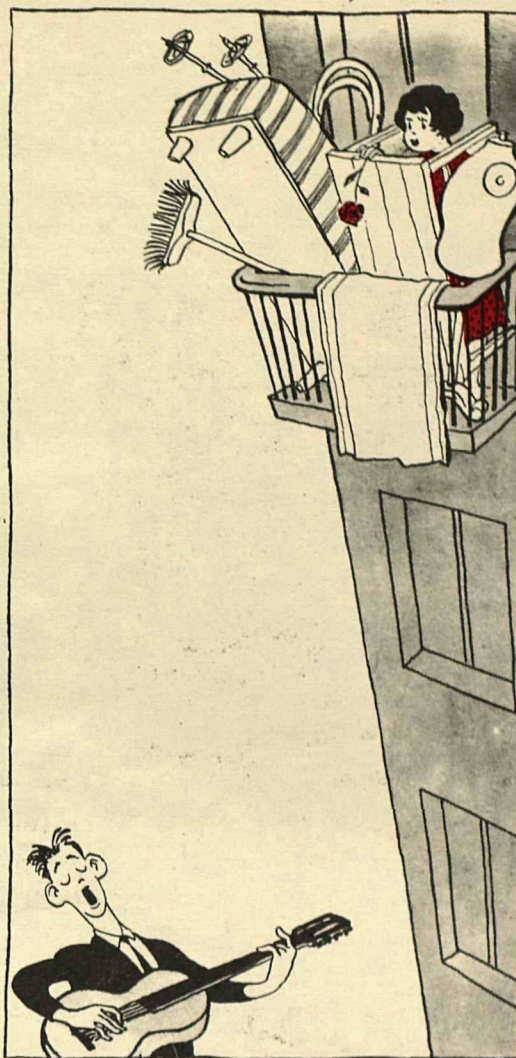


Рисунок Е. ГОРОХОВА.



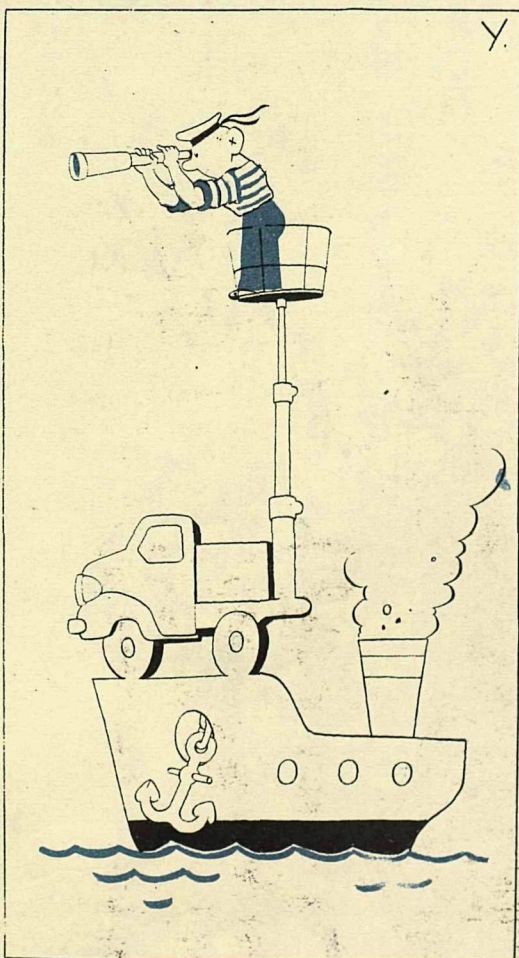
— Витя, слышишь?! Сейчас же слезь с дерева!

Рисунок Е. ГУРОВА.



— О, выйди скорей на балкон!..

Рисунок М. УШАЦА.



Впередсмотрящий.

Кто кого лечит?

Однажды знахарка решила подлечиться. Пришла она в районную больницу. Но, неожиданно увидевши врача, Она дала оттуда стрекача. Причина бегства вскорости открылась: Сбежала знахарка лишь потому, Что личное здоровье не решилась Доверить пациенту своему!

Р. КИРЕЕВ

г. Симферополь.

Рисунок А. ВОЛКОВА.



— Кажется, я не так поставил мотор!..

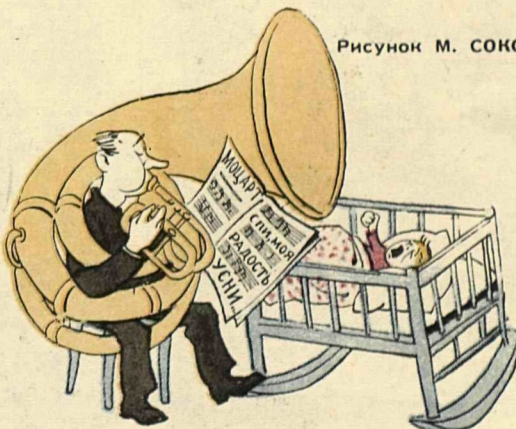


Рисунок М. СОКОЛОВА.

В семье трубача.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Этот товарищ полностью атрофировался, он потерял весь авторитет и облик».

(Из выступления на собрании.)

«Учет в этом колхозе — самый трогательный вопрос, а бухгалтерия для председателя — это прямо-таки камень проникновения».

(Из отчетного доклада.)

Записал П. МОЛОКОЕДОВ.

Хабаровский край.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й.

Издательство «Правда»

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 00889. Изд. № 314. Подписано к печати 9/IV 1960 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 1013. Тираж 1 400 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

10

20 НИР 1933

13763 м

«Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра!»

(В. И. ЛЕНИН)

4 августа 1914 года социал-демократическая фракция германского рейхстага проголосовала за военные кредиты, за поддержку империалистической войны.

23 марта 1933 года правые лидеры германской социал-демократической партии заявили о своей готовности сотрудничать с Гитлером.

15 ноября 1959 года на съезде в Бад-Годесберге была принята новая программа западногерманской социал-демократической партии. Годесбергская программа означает, что правое руководство СДПГ полностью отрелось от социализма и встало на путь поддержки военной политики Бонна.



Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпль.
1960 г.



Рисунок Ю. ГАНФА.

ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.